

общества для оказания сопротивления византийской и арабской агрессии, а также для борьбы с еретическими движениями.

Издатель подробно анализирует рукописи (числом 48), использованные им при составлении критического текста «Книги канонов», обстоятельно останавливаясь на каждой из них и подчеркивая их специфические черты, а также на рукописях, в которых текст «Книги канонов» сохранился неполностью.

Критический текст «Книги канонов» имеет следующее содержание:

1. Оглавление канонов
2. Номоканон
3. Каноны св. апостолов
4. Каноны Климента
5. Каноны «отцов, выступавших после апостолов»
6. Каноны Никейского собора
7. Каноны Анкирского собора
8. Каноны Кесарийского собора
9. Каноны Неокесарийского собора
10. Каноны Гангрского собора
11. Каноны Антиохийского собора
12. Каноны Лаодикийского собора
13. Каноны св. Григория Просветителя
14. Каноны собора в Сардике
15. Каноны Константинопольского собора
16. Каноны Эфесского собора
17. Каноны Афанасия Александрийского
18. Каноны Василия Кесарийского
19. Каноны Саака Партева
20. Каноны Шаапиванского собора
21. Каноны епископа Севанта
22. Каноны католикоса Нерсеса и Нершапуха
23. Каноны католикоса Иоанна Мандакунни
24. Каноны епископа Авраама
25. Каноны последнего Саака католикоса
26. Каноны Иоанна Одзнеци

Издатель снабдил свою публикацию подробными комментариями (стр. 540—647) и приложением: изданием древнейших фрагментов рукописей, содержащих каноны. В конце даются начальные слова канонов. Книга имеет предметный указатель и указатели личных имен и географических названий.

Армянские переводы канонов с греческого сделаны в V—VII вв., разумеется с греческих рукописей указанного или, вернее, более раннего времени. В этом смысле армянские переводы на 500—800 лет старше, чем дошедшие до нас древнейшие греческие списки, содержащие каноны; следовательно, армянские переводы могут быть полезными для правильного понимания разных спорных мест в греческом оригинале.

Издатель В. Акопян теперь работает над вторым томом, в который войдут каноны, не вошедшие в составленный Иоанном Одзнеци сборник.

Р. Б.

М. Н. АНДРЕЕВ. ВАТОПЕДСКАТА ГРАМОТА И ВЪПРОСИТЕ НА БЪЛГАРСКОТО ФЕОДАЛНО ПРАВО.

София, 1965, стр. 195, илл.

Текст Ватопедской грамоты болгарского царя Ивана Асеня II, изданной в 1230 г., занимает всего одну страницу (стр. 193), и тем не менее М. Андреев посвятил этому хрисовулу специальное исследование. Это неудивительно, поскольку число болгарских грамот весьма невелико, и историкам болгарского средневековья приходится обращаться крайне тщательно с каждой фразой документов такого рода.

Исследование Андреева распадается на две части: первая из них содержит дипломатическую характеристику Ватопедской грамоты и анализ политической ситуации на Балканах к моменту издания документа. По мысли автора, Ватопедская грамота явилась одним из этапов политики Ивана Асеня, искавшего поддержку греческого населения и греческой церкви (отмечу попутно, что на стр. 20 Андреев говорит о борьбе Болгарии с «Эпирским деспотатом» — более осторожно было бы избегать термина «деспотат», не засвидетельствованного источниками).

Вторая (и основная) часть книги представляет собой анализ болгарского феодального права. Разумеется, исследователь не ограничивается только Ватопедской грамотой, но привлекает и другие источники, подвергая их критическому анализу. Он, в частности, считает Виргинский хрисовул поздней компиляцией и на основании

этого отвергает возможность существования «волоберщины» и «димнины» в болгарском феодальном праве¹ (стр. 115—117).

Полученные им данные Андреев сопоставляет со сведениями двоякого рода: с материалом, относящимся к Болгарии IX—XII вв. (ср. особенно стр. 50—61), и с византийским материалом. Он затрагивает при этом ряд спорных проблем византийской аграрной истории. Так, на стр. 48 он определяет византийскую провию как исполнение определенных служебных функций, сочетающееся с правом удерживать известную часть государственного налога, так наз. *προσότης*; постепенно провия превращается в институт, связанный с управлением и владением определенным имуществом и с обязанностью поставлять определенное число воинов. На стр. 87—89 он разбирает вопрос о византийском иммунитете и, в частности, полемизирует (прим. 16) с Г. А. Острогорским относительно существования судебного иммунитета в XI в.: по словам Андреева, специальная подсудность, которой обладали в то время некоторые монастыри (Хиосский, Ибирский), не может быть отождествлена с судебным иммунитетом². При этом Андреев отмечает не только влияние византийских норм на болгарское право, но и — в ряде случаев — отличие болгарских и византийских правоотношений: напр., на стр. 144 он обращает внимание на то, что болгарское средневековое право не восприняло теорию о государстве как юридической личности, элементы которой сложились в римско-византийском праве.

Анализ Ватопедской грамоты позволяет Андрееву сделать ряд конкретных наблюдений. Особое внимание он уделяет разного рода повинностям — таким, как арико (аэриков) (стр. 92 и сл.), комоде (икомодий) (стр. 103—105), который он вслед за Ф. Дальгером толкует как пошлину за взвешивание зерна, шедшую в пользу налогового сборщика³, митат (стр. 105) и др. На стр. 102 Андреев анализирует фискальный термин Ватопедской грамоты «писати», что по его мнению означает «описывать подлежащие обложению объекты». К аналогичному выводу пришел в свое время и Т. Сатурник, анализирувавший по преимуществу сербские документы, но привлечший и грамоту болгарского царя Ивана Александра от 1347 г., где формула аналогична Ватопедской: по мнению Сатурника, сербский термин «пись» соответствует греческому *ἀπογραφή*⁴. К сожалению, работа Сатурника осталась неиспользованной. Детально анализирует Андреев и терминологию болгарских должностных лиц: практоры, севасты, дуки и проч., отмечая при этом отличие болгарских терминов от соответствующих византийских. Особое внимание он уделяет термину «севаст»: полемизируя с П. Петровым, исследователь приходит к выводу, что в Болгарии «севаст» мог обозначать не только должность, но и титул (стр. 151). Попутно отмечу, что Андреев ошибается (стр. 149), полагая, будто титул «севаст» был введен Алексеем I — на самом деле он был известен уже при Никифоре III Вотаниате⁵.

Не ограничиваясь конкретными наблюдениями, Андреев поднимает некоторые теоретические проблемы. Это прежде всего вопросы о феодальной собственности и о юридической природе царской власти в средневековой Болгарии. Андреев подчеркивает, что, несмотря на сохранение в хрисулулах римских формулировок, болгарское право имело дело с собственностью, отличной от римской. По его мнению, собственность римского типа сохранялась на доменальных землях, тогда как на *terra indominicata* сложились новые правоотношения, сутью которых было соединение в одно целое прав на землю и на крестьянина (стр. 71—83). Хотя самый поиск различий римской и средневековой собственности представляется весьма важным и плодотворным, болгарский материал, пожалуй, слишком скуден, чтобы на нем ставить и решать столь сложную проблему. Во всяком случае, градации феодальной собственности были, по-видимому, более многообразными, чем это намечает Андреев.

¹ В последнее время аутентичность Виргинской грамоты энергично отстаивает Л. В. Горина (К вопросу о подлинности Виргинской грамоты. — СС, 1965, № 5, стр. 60—68). Основываясь на Виргинской грамоте, Г. Цанкова-Петкова (За аграрные отношения в средновековна България XI—XIII в. София, 1964, стр. 143—145) продолжает считать волоберщину и димнину реально существовавшими повинностями.

² См. об этом также А. П. К а ж д а н. Эссуссы и эссуссаты в Византии X—XII вв. — «Византийские очерки». М., 1961, стр. 203.

³ Более глубокая постановка вопроса в книге Г. Г. Литаврина «Болгария и Византия в XI—XII вв.» (М., 1960, стр. 311—314), наблюдений которого Андреев не учитывает, хотя и ссылается на него в этой связи (прим. 13). Против представления, что икомодий — пошлина за взвешивание зерна, выступил также Ж. Бомпэр (J. B o m p é r a i r e. Actes de Xéropotamou. Paris, 1964, p. 151 — со ссылкой на свою более раннюю работу, опубликованную в 1956 г.).

⁴ Th. S a t u r n i k. Пись. Příspěvek k dějinám srbských imunit. — BS, 6, 1935—1936, p. 186—190.

⁵ Н. С к а б а л а н о в и ч. Византийское государство и церковь в XI веке. СПб., 1884, стр. 151. Основное исследование о византийских дукатах и фемах (H. G l y k a t z i — A h r w e i l e r. Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IXe — XIe siècles. — BCH, 84, 1960) Андреевым не привлечено.

Более оригинальна и интересна глава, посвященная юридической природе царской власти⁶. Андреев прослеживает существование в Болгарии теории божественного происхождения монаршей власти, которая в принципе считалась неограниченной. Андреев считает, что неограниченность ее была только формально-юридической, — впрочем, ограниченность болгарской монархии показана им довольно убедительно (стр. 125): развитие экономического базиса, соотношение классовых сил, интересы класса феодалов — все эти факторы вряд ли достаточны при анализе юридической природы этого института. Неубедительно, на мой взгляд, и выведение наследственности из принципа божественности царской власти (стр. 129): как известно, в Византии теория божественности прекрасно сочеталась с отсутствием наследственности. Зато очень интересен тезис Андреева о том, что полноправие государя всего отчетливее проступает в сфере установления наказаний (стр. 134) — точно так же и в Византии василевсу легче было осуществить наказание любого вельможи, чем добиться даже несущественных реформ.

Особенно детально рассматривает Андреев — и это естественно в данной связи — проблему прав государя на землю. По его мнению, царь самовластно распоряжался всей территорией Болгарии, как принадлежащей ему землей (стр. 139. Ср. стр. 145). Поскольку это предствление вытекало из теории божественности царской власти, Андреев даже говорит о «патримониально-теологической концепции болгарского феодального права» (стр. 174). Остается лишь пожалеть, что автор не останавливается в этой связи на оживленной дискуссии о государственной собственности в Византии, развернувшейся в последнее время⁷, — материалы этой дискуссии могли бы способствовать уточнению его постановки вопроса.

А. К

ДВЕ НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ГРЕЧЕСКИХ АКТОВ

A. GUILLOU. LES ACTES GRECS DE S. MARIA DI MESSINA.

Palermo, 1963, pp. 260 + cartes et planches.

J. BOMPAIRE. ACTES DE XÉROPOTAMOU.

Paris, 1964, pp. 298.

Оба издания дают исследователю тщательно подготовленный новый материал. А. Гилю издал 24 греческие грамоты монастыря св. Марии в Мессине (Калабрия) от 1076—1306 гг. (и грамоту 1189 г. — в приложении). Это по преимуществу купчие, а также дарственные грамоты, завещания, арендный договор и пр. Они содержат данные о виноделии и хлебопашестве, о скотоводстве, о ценах на землю и, что особенно важно, о сохранении греческого населения в Южной Италии. Во введении Гилю (стр. 29 и сл.) поднимает чрезвычайно интересный вопрос: почему формулы феодального права не отразились в терминологии грамот, лишь однажды упоминающих лен (φίον), обычно же оформляющих сделку в понятиях полной римской собственности. Даже когда отношения явно носят феодальный характер (акт № 18, а. 1195), терминология этого не отражает. Можно поставить вопрос еще шире: не скрывались ли и за традиционной фразеологией собственно византийских документов отношения, значительно отличающиеся от норм собственности римско-византийского права?

Зато для отношений зависимости грамоты пользуются новой терминологией: ἀνδροπος (№ 3), βελλάνος (№ 18), αὐθέντης (№№ 3, 10). Община — ὁμάτης χωρίου τῆς Μοναστηρίας — упоминается только в поздней грамоте 1264 г. (№ 21).

В публикации Ж. Бомпэра 30 актов из архива Ксиропотамского монастыря на Афоне от 956 до 1445 г. (а также несколько подлинных и поддельных грамот, опубликованных в Приложениях). Среди Ксиропотамских актов — императорские хрисовулы и простагмы, постановления афонских протов, купчие и, что особенно важно, описи. Во введении автор приводит список игуменов монастыря и сводку данных о монастырских владениях.

Опубликованные Бомпэром грамоты весьма важны для изучения аграрных отношений и податного обложения в Византии (в них встречаются такие повинности, как σιτόκριτον, каниский, аир), сельского ремесла (упоминаются мастерские кузнецов

⁶ Византийское государственное право очень плохо разработано. Тем более обидно, что Андреев не использует основную монографию об императорской власти в Византии: О. Трейтингер. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee. Darmstadt, 1956.

⁷ См.: разбор этой дискуссии: К. Уатанабе. Problèmes de la «féodalité» byzantine. — «Hitotsubashi Journal of Arts and Sciences», 6, 1965, № 1, p. 11—13. Тезис о государственной собственности на землю в Византии настойчиво отвергают в последнее время К. В. Хвостова [«Особенности аграрно-правовых отношений Поздней Византии (XIII—XV вв.)». М., 1964, стр. 8] и В. А. Сметанин («К вопросу о свободном крестьянстве в Поздней Византии». — УЗ Уральского университета, 41, 1965, стр. 52 и сл.).